

Марина
СЕРОВА

*Тот, кто не умеет
прощать*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тот, кто не умеет прощать

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Тот, кто не умеет прощать / М. С. Серова — «Эксмо»,
2020 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-116769-1

Известный предприниматель Андрей Павлов найден убитым в своем загородном доме. По подозрению в убийстве задержан молодой любовник вдовы бизнесмена, Виталий Суриков. Однако дочь погибшего, Настя, уверена, что преступление совершила ее собственная мать, Марина. Частный детектив Татьяна Иванова выясняет, что у многих в окружении Павлова был серьезный мотив для убийства. Удастся ли ей вычислить преступника?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116769-1

© Серова М. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Сергеевна Серова

Тот, кто не умеет прощать

© Серова М.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

© faestock / Shutterstock.com

Глава 1

«Дорогая Таня! Я очень рада, что мы наконец-то увидимся! Как говорится, Бог троицу любит. В третий раз уже точно должно получиться! Правда же??? Я купила три совершенно отпадных купальника и к ним еще всякого-разного. Все в стиле Карибов, чтобы вписаться в пейзаж! Если ты не успеешь подготовиться, поделюсь, так и быть, одним или даже двумя! Только приезжай!».

Я сидела за ноутбуком и с грустью перечитывала письмо от Вероники Светловой из Москвы – моей хорошей знакомой, с которой мы пересекались несколько лет назад в одном из расследований. И все эти годы Вероника с упорством, достойным лучшего применения, уговаривала меня съездить с ней в Пуэрто-Рико.

Будучи заядлой путешественницей, Вероника объездила уже не один десяток стран, но Пуэрто-Рико берегла для нашей с ней совместной поездки, на которую я неосторожно согласилась когда-то.

Не то чтобы меня не устраивала ее компания, Вероника – чудесная молодая женщина, симпатичная, активная и перманентно позитивно настроенная. И понежиться в синих водах Карибского бассейна я тоже совсем не против. Особенно когда в Тарасове в разгаре поздняя осень со всеми ее «прелестями». Но...

Это «но» возникает словно ниоткуда и безжалостно сметает все задумки, словно цунами на тех же Карибах.

В третий раз отказывать Веронике было уже попросту неудобно.

«Но, похоже, придется», – со вздохом констатировала я и начала писать покаянный ответ.

Может быть, кому-то я покажусь излишне меркантильной, но когда речь идет о 10 000 баксов плюс оплата накладных расходов, поневоле приходится выбирать между отдыхом и солидным гонораром. Тем более что отдых можно отложить, а вот гонорар ждать не будет и уплывет безвозвратно, как уплывают за горизонт белые барашки в Карибском море.

К тому же дело, с которым ко мне обратилась последняя клиентка, представлялось не особенно сложным, и шанс на поездку в тот момент выглядел вполне реальным. И, что греха таить, с деньгами – оно ж веселее везде, тем более на Карибах.

* * *

А клиентка в тот день пожаловала ко мне занимательная. Из категории тех, кто не забывается и кого упоминаешь в мемуарах.

Семнадцатилетняя Настя Павлова явилась без предварительного звонка.

Утром я как раз занялась подбором гардероба к предстоящей поездке, правда, делала это с ленцой, будто чувствовала, что не стоит зря тратить усилия.

В дверь позвонили и сразу постучали, что меня очень удивило и немного встревожило. В наши дни без предупреждения и минуя домофон люди могут попасть в квартиру только в каких-нибудь экстренных ситуациях.

Посмотрев в глазок, я увидела на лестничной площадке миниатюрную девушку в темной бесформенной куртке и высоких сапогах. Лица, скрытого за капюшоном, я рассмотреть не смогла.

«Может быть, соседка?» – промелькнуло у меня в голове.

Я открыла дверь и молча встала на пороге.

– Вы – Татьяна Иванова? – раздался из капюшона хриловатый, словно простуженный голос.

– Она самая, – ответила я и замолчала в ожидании продолжения.

Девушка скинула капюшон и представила миру в моем лице миловидное личико, обрамленное рыжими локонами. Отсутствие косметики и следов парикмахерских ухищрений навело на мысль, что девушка целиком полагается на мать-природу.

И не зря, подумалось мне, в ней было свое особенное очарование. Зеленые глаза цепко оглядели меня, пухлые розовые губки растянулись в легком подобии улыбки, и девушка проговорила чуть более звонким голосом:

– Добрый день. Я Настя Павлова, то есть Анастасия, – поправились она и сделала движение, словно собираясь войти в квартиру.

Но, увидев, что я не двигаюсь с места, она замерла и даже как будто немного растерялась.

– Я узнала ваш адрес от Дениса Бронникова, помните такого?

Услужливая память как по команде выдала образ юного айтишника Дена, с которым мы, можно сказать, подружились на одном из моих дел. Парнишка мне тогда здорово помог и оставил о себе самые лучшие воспоминания.

– Проходите, – посторонилась я, впуская девушку. – А что же он не дал вам моего телефона?

– Он хотел, но я отказалась, решила, что будет лучше, если я к вам приду.

– Это почему же? – Я протянула Насте тапочки и приняла от нее куртку.

– Я боялась, что по телефону вы мне откажете. Скажете, что я слишком молодая или что-то в таком духе.

Я улыбнулась против воли и провела гостью в комнату.

– Но я хоть и молодая, но платежеспособная, – с жаром добавила Настя, не спеша садиться в кресло.

Взгляд ее круглых зеленых глаз, опущенных темно-рыжими густыми ресницами, просто обезоруживал.

Продолжая улыбаться, я усадила девочку и устроилась напротив.

– Это не может не радовать. Вам сколько лет? Семнадцать?

– Да, семнадцать, но я уже учусь в институте!

– Рассказывайте, Настя, что вас ко мне привело.

Девушка, явно повеселев от моего вполне радушного приема, перестала хмуриться и, поерзав в кресле, занимая удобное положение, начала говорить:

– Неделю назад мы похоронили моего папу.

– Примите соболезнования, – вставила я.

– Спасибо, – голос Насти снова перешел на хрип.

Было видно, что она, как ни пытается это скрыть, сильно переживает.

– Так вот. Мой папа – Андрей Павлов, владелец сети автосалонов «Авторай». Это...

– Это самая крупная сеть в нашем городе, – договорила я за Настю.

Убийство одного из крупнейших предпринимателей Тарасова, Андрея Анатольевича Павлова, разумеется, не прошло для меня незамеченным. Слишком крупная фигура, да и к тому же, судя по скупым новостным сообщениям, происшествие было окутано массой непонятных нюансов.

Мне вспомнилось, что оно каким-то боком связывалось с предстоящими выборами депутатов городского Законодательного собрания.

Мой интерес к рассказу Насти резко возростал.

– Да, папу постоянно называли «автокоролем», а меня дразнили с первого класса «автопринцессой» и другими дурацкими прозвищами в таком роде.

Мне стало понятно, что девушка не только не гордится своим «мажорством», а наоборот, оно ее обременяет. Теперь ясно, почему она так неказисто одета – ей меньше всего хочется привлекать к себе внимание, в котором у нее и так недостатка нет.

– Насколько мне известно из новостных порталов, – сказала я, – убийцу, предположительно, нашли.

– Вот то-то и оно, что предположительно! – с жаром воскликнула Настя, подскочив в кресле. – Обвинили Виталика! Но он не мог этого сделать! Никак не мог! Его подставили, потому что он самый... – Настя прикусила губу, подыскивая нужное слово. – Самый безответный, незащитный!..

На глазах девочки навернулись слезы.

Тут уж не надо было иметь психологического образования, чтобы понять, что этот Виталик очень важен для Насти, скорее всего, здесь замешаны пылкие девичьи чувства.

Я молча встала, прошла к холодильнику, вынула бутылочку с водой и протянула Насте.

По своему опыту мне отлично известно, что это самое первое средство, чтобы помочь клиенту справиться с эмоциями. Чего только не наслушались стены моей квартиры...

Сделав пару глотков, Настя слегка успокоилась и по моей просьбе стала рассказывать обо всем по порядку.

Девушка она была толковая, и даже взвинченное состояние не мешало ей связно выражать свои мысли – ценное качество.

– Официальная версия такая – мне ее вчера следователь озвучил: папа во внеурочное время приехал в загородный коттедж, где в это время его жена проводила время с любовником. Застав их за изменой, он устроил скандал, как всегда бывает в таких случаях. Схватил ружье, завязалась борьба, и Виталий вырвал ружье и выстрелил в папу. Вот так решили следователи, но это все полная... фигня!

Настя стиснула ручки кресла и сделала несколько глубоких вдохов.

Умничка, стрессоустойчивости ей не занимать, отметила я с одобрением.

– У тебя... можно на «ты»? – Настя поспешно кивнула. – У тебя есть своя версия происшедшего? – спросила я.

Она снова закусила губу и отрицательно покачала головой.

– Точно я сказать не могу. Но если уж выбирать между Виталием и... матерью, то это, конечно, она убийца!

– Чьей матерью? – уточнила я, отметив, что при упоминании матери лицо девушки искажилось ненавистью.

– Моей, – сквозь зубы процедила она, отводя от меня глаза.

– Настя, я правильно понимаю, что Виталий – любовник твоей матери?

Она кивнула, зажмурившись, чтобы остановить слезы.

– У вас с ним хорошие отношения? Я подозреваю даже, что лучше, чем у вас с твоей матерью, так?

– Да! – Настя уже не пыталась сдерживать слезы. – Виталий – очень хороший парень. Он меня любит, а от нее просто не может отделаться. Он никогда бы не пошел на убийство. Даже если бы папа начал его избивать, он не стал бы ружье хватать. Виталий – мастер спорта по рукопашному бою, он одним мизинцем левой руки мог бы папу успокоить и не причинить ему вреда. Тем более папа не больно-то спортзал посещал. Мой папа не такой человек, чтобы вот так бросаться на ружье, он столько всего прошел в девяностые...

– То есть ты думаешь, что это твоя мать могла схватить ружье и застрелить отца?

– Эта могла! – процедила Настя.

По роду своей деятельности мне доводилось видеть разное. И непримиримая ненависть между самыми близкими родственниками, увы, встречалась мне нередко. Но сейчас, глядя на

милое лицо совсем молоденькой девочки, которое при упоминании матери искажалось яростной злобой, я испытывала легкий ужас.

– Настя, расскажи мне о маме. Как я вижу, между вами нет взаимопонимания?

– Это мягко сказано! – усмехнулась Настя. – Я бы мечтала, чтобы она не была мне родной, но мы с ней так похожи, что и генетическая экспертиза не нужна. Внешне похожи, – добавила она, – характеры у нас совсем разные.

– Расскажи мне о ней, – попросила я, прекрасно понимая, что история будет долгой. Но в душе я уже приняла решение взяться за это дело, поэтому никуда не спешила, пытаюсь выведать максимально полную информацию.

– Да что там рассказывать! – Настя передернула плечами. – Я уже лет в девять поняла, что моя мать – плохая женщина, и вовсе не обязаны мать и дочь друг друга любить.

– Она плохо относилась к тебе?

– Да она никак ко мне не относилась. Знаете, как читаешь в книжках про дворянские семьи, когда няньки на полчаса в день ребенка приводили к родителям. У нас было точно так же, только меня приводили не раз в день, а раз в неделю. Я с детства с нянями да гувернантками... Мамаша даже с днем рождения меня не удосуживалась поздравить. Представьте, полный дом гостей, шарики, артисты, а мама в это время в очередном СПА зависает. Просто игнорировала меня, как будто я – пустое место. Я думала, так и положено. Но потом, когда пошла в школу и завела подруг, увидела, что у них в семьях совсем все по-другому. Мамашки постоянно в школе торчат, одноклассники жаловались, что житья нет от материнской опеки. А я не понимала, как это? Моя мать была каким-то абстрактным, почти мифическим существом. Вроде есть, а на самом деле можно сказать, что и нету. В общем, лет в восемь я попыталась решить этот вопрос. Подошла к ней сама и спросила: «Мама, почему ты меня не любишь?» Вы знаете, она так удивилась, будто не родная дочь с ней заговорила, а стол или стул. Спросила, кто разрешил ее беспокоить. Ну, я развернулась и ушла. Так мы с ней и разговаривали почти с тех пор. Папа переживал из-за этого, пытался что-то наладить, но у него времени на семью всегда не хватало, поэтому от его попыток толку не было.

– Это, конечно, странно, – сказала я, – но всякое бывает. Бывает, матери лупят детей и как только не измываются. А твоя, может быть, просто холодная женщина?

Настя ответила не сразу, обдумывая мои слова.

– Да нет, холодной женщиной ее никак не назовешь! Видели бы вы, как она с Виталиком ворковала и с другими мужиками... за папиной спиной. Вообще, она ненавидела только меня и папу. К остальным вполне ровно относилась.

– Папу? – переспросила я, немало удивившись.

– Да, папу. Думаю, его она ненавидела не меньше, чем меня, а может, и больше. Потому что меня хотя бы можно было сбавить с глаз долой, а его нужно было терпеть.

– А с папой у тебя какие отношения были?

– С папой... – снова в Настиных глазах заблестели слезы. – С папой очень хорошие. Хотя я его и мало видела, но было понятно почему. Он все время в делах, в работе, встречи, поездки... Но когда у него выдавалась минутка, он всегда старался со мной время провести. И даже если был в отъезде, по скайпу утром и вечером звонил, иногда просто два слова сказать: «Хорошего дня» и «Спокойной ночи».

Настя всхлипнула и вытерла слезы рукавом джемпера.

Я подала ей салфетки.

– А как к твоему папе остальные относились? Ну, там обслуга, подчиненные, друзья-приятели...

– Все относились к нему хорошо! Все, кроме нее, – пожалуй, слишком категорично заявила Настя.

– А в чем это у нее выражалось по отношению к отцу?

– На людях она держалась, как нормальный человек. Но стоило им оказаться без посторонних, сразу тон меняла, молчала, если спрашивал, отвечала нехотя. Ну, как сказать, в чем выражалось... Если тебя терпеть не могут, то выражают всем, чем могут...

С этим трудно было поспорить.

– Ну что ж, подведем итог, Настя, – резюмировала я. – Ты считаешь, что твоя мать убила твоего папу и подставила своего любовника – хорошего парня Виталия.

Девушка с прищуром посмотрела на меня, пытаясь угадать, не иронизирую ли я. Но я было настроена по-деловому.

– Я уверена, что это не Виталик. И не только потому, что хорошо к нему отношусь. Ну не стал бы он так убивать папу, зачем ему брать ружье, он бы мог...

– Одним мизинцем, – перебила я ее, – это я уяснила.

– А она... думаю, она очень даже могла его застрелить, только ждала подходящего случая, чтобы было на кого вину свалить.

– А что Виталий говорит следователю?

– Он не признается ни в чем. Утверждает, что папа уже был убит, когда они приехали.

– Так... А мама?

– Она, представьте себе, говорит, что была подшофе после банкета, а потом на фоне шока толком ничего не помнит, в голове все помутилось. Мол, она задержалась в холле и, когда вошла в гостиную, Виталий уже стоял над телом папы. То есть напрямую не обвиняет, но все понятно.

– А что за ружье? Откуда оно взялось?

– Это папино охотничье ружье. Он охотой не увлекался, но, когда дарили, принимал. И в гостиной у него висит целая коллекция. Они все, конечно, незаряженные. Он же никогда не собирался из них стрелять. И патронов нет. Просто для интерьера висели вместе с саблями, рогами и всякой прочей фигней, которой у них принято украшать свои виллы. А тут вдруг ни с того ни с сего патроны нашлись и ружье зарядилось... Ну как это так?

Настя рассуждала очень зрело и логично, особенно для своего возраста.

– А следователи что по этому поводу говорят?

– Ой, у них все уже решено! Говорят, что, если он, Виталик, не раз бывал в коттедже, уже все вдоль и поперек изучил и мог заранее ружье зарядить...

– Так ружье было у Виталия в руках?

– В том-то и дело, что нет! Оно лежало на полу в гостиной, и отпечатки пальцев были все стерты. Следователь говорит, что, если бы Виталий не держал ружье в руках, он не стал бы стирать все отпечатки, в том числе и папины.

– А мама, получается, вне подозрений?

– Ага! Чиста и невинна! Жертва обстоятельств. Затюканная мужем-миллионером...

– Ты сейчас тоже с ней не общаешься?

– Конечно, нет! Виделись на похоронах. Но я даже и не подходила. Она, кстати, съехала с нашей городской квартиры.

– Куда?

– Стала бы она мне говорить! Без понятия, куда.

– Ну, дальше Тарасова она не сможет уехать, пока следствие продолжается. Наверняка под подпиской о невыезде находится, – сказала я. – А номер ее сотового у тебя есть?

– Есть. – Настя вынула из кармана телефон.

– Погоди, может, еще какие-то контакты нужно будет скинуть.

– Вы мне поможете, Таня? – робко спросила Настя.

Видя, что я не спешу с ответом, она добавила:

– Я вам заплачу десять тысяч долларов, – и с этими словами вынула из другого кармана пачку столларовых купюр.

Увидев мое слегка растерянное лицо, она затараторила:

– Вы не подумайте ничего криминального! Это мои личные деньги.

Приятно, конечно, когда тебя умоляют взять десять тысяч баксов, но... Всегда откуда ни возьмись появляется это «но».

– Мой тариф гораздо скромнее, Настя. Тем более ты несовершеннолетняя.

– Эти деньги мне папа подарил на поступление в институт. Я не собиралась их тратить, лежали в шкатулке без дела. Возьмите! Пожалуйста!

Я согласилась взять половину из этой суммы, а оставшуюся часть она должна была мне заплатить после расследования.

Прежде чем отпустить Настю, я пробежалась по новостным сайтам. Мне надо было еще кое-что уточнить.

– Настя, а следователи никак не рассматривали версию о политическом убийстве? Ведь твой папа баллотировался в депутаты Заксобрания.

Настя отрицательно покачала головой:

– Вот, я же говорю, нашли козла отпущения. Единственный человек, который откупиться не может...

– Настя, – доверительно заговорила я, – что у тебя с этим Виталием?

Как я и ожидала, девушка несколько смутилась. Но быстро справилась с собой и бойко произнесла:

– Я люблю его, – и, с вызовом глядя мне в глаза, добавила: – И он меня тоже любит!

– Так любит, что встречается с твоей мамой? – стараясь говорить ласково, чтобы не задеть чувств жертвы первой любви, спросила я.

А сама подумала, не кроется ли в этом соперничестве такая острая неприязнь к матери.

– Вы сейчас решите, что я из-за Виталика мать ненавижу, – прочла мои мысли Настя, – но это совсем-совсем не так! Про Виталика, если хотите, я вам сейчас все расскажу.

– Расскажи, пожалуйста, это очень важно для расследования.

– Виталий – по образованию айтишник. Когда мы познакомились, ему было двадцать два года, сейчас двадцать три. Он приходил к нам домой настраивать систему «Умный дом». Он в фирме «Миг» работает. Там какие-то заморочки были, поэтому он не один день к нам ходил. Настраивал, потом объяснял нам, как всем этим управлять. Он мне сразу понравился, но я тогда еще училась в школе, точнее, готовилась к ЕГЭ, а он мне показался уже взрослым, он уже закончил бакалавриат. Мы с ним быстро подружились. Я вообще люблю айтишников, хоть сама и гуманитарий. Вот и с Деном Бронниковым дружим с восьмого класса. Но Виталий совершенно другой. Он очень крутой разработчик, но еще спортсмен и хохмач к тому же! А внешность у него такая, что хоть сейчас в Голливуд можно.

Видимо, Настя заметила улыбку умиления, с которой я наблюдала за ее порозовевшим личиком.

– Вы не подумайте только, что я только из-за внешности в него влюбилась. Всегда терпеть не могла смазливых качков. Нет, Виталий очень умный и очень хороший.

– Я верю, Настя, продолжай – что дальше было?

– Ну вот, когда он закончил настраивать, мы обменялись контактами и договорились, что не будем теряться. Некоторое время так и было. Встречаться не встречались – мне экзамены надо было сдавать, но постоянно общались в сети. Он всегда интересовался, как у меня дела. Поднимал мне настроение, рассказывал, как будет круто стать студенткой... А потом вдруг исчез. Перестал появляться в соцсети, в мессенджерах не отвечал и сообщения не просматривал.

Настя вздохнула и глотнула из бутылки с водой.

– Я, естественно, навязываться не стала. Если не хочет общаться, то так тому и быть... Но через два с половиной месяца я вдруг его увидела... Он сел в машину к ней.

– К твоей маме?

– Ага! – Настя, бледнея от злости, заерзала в кресле. – И знаете, как ни в чем не бывало. Увидел меня и будто ничего особенного не произошло. Махнул так, как будто вчера расстались.

Девушка замолчала, погрузившись в свои невеселые воспоминания.

– То есть получается, что твоя мама и Виталий стали любовниками?

– Ну да! Я сразу обо всем догадалась! Хотя она вела себя так, как будто ничего такого не происходит. По ней ничего ведь не поймешь. Ведет себя как Снежная королева – вся такая неприступная... Даже не потрудились мне объяснить, что он делает в ее машине. А я не стала сама спрашивать, все равно ничего, кроме какой-нибудь гадости, я бы от нее не услышала.

– А ты пыталась с ним поговорить об этом?

Настя нехотя ответила:

– Да, я все-таки не выдержала и написала ему. Он молчал несколько дней. Потом все же ответил. Написал что-то вроде: «Ты очень хорошая, но мы не можем общаться...»

Настя снова умолкла. Я понимала, что ей трудно излить перед посторонним человеком самое болезненное, поэтому говорила очень мягко:

– Настя, я только одного не понимаю. Почему твоя мама не скрывала своих отношений с любовником? Ведь у вас такой серьезный папа. Если бы до него дошла информация об изменах жены, последствия были бы очень серьезные.

– Вы просто не знаете ее. Она всегда найдет, как отмазаться. Если бы я что-то такое папе брякнула, то в итоге сама осталась бы виноватой. Она и так, как чуть что, пыталась меня к психиатрам загнать, все время намекала, что у меня проблемы по этой части. Она на все способна. А папа к ней всегда хорошо относился, верил и почему-то всегда ее как будто жалел. Не знаю, почему... Он думал, она чуть ли не святая... И даже если он ее за руку поймал, она все равно ему мозги так запудрила бы, что он ей поверил.

Я внутренне засомневалась. Не похоже, чтобы один из самых влиятельных бизнесменов нашего города мог быть настолько наивен. Хотя... в семье многие проявляют себя не так, как во внешнем мире. Как бы то ни было, с этим мне еще предстояло разобраться.

– Настя, а как ты сама думаешь, кроме твоей мамы, мог еще кто-то быть заинтересован в смерти папы? Он ведь в политику собрался податься. Там тоже свои интриги.

– Вы считаете, я такая глупая, что не задумывалась об этом? Но ведь он был убит в коттедже, когда застукал свою женушку с любовником. Как бы конкуренты смогли это дело так обставить?!

– Настя, я пока ничего не думаю. Я просто собираю информацию. Чем она будет подробнее, тем проще пойдет расследование. Никогда не надо исключать кого-либо из возможных виновников. Поверь моему опыту.

Настя кивнула, соглашаясь:

– Да, вам, конечно, виднее. Ден говорит, что вы очень крутая!

Признаюсь, мне польстил этот комплимент, тем более из уст такой неординарной личности, как Денис Бронников.

– Я более или менее поняла про маму и Виталия, – заговорила я со всей возможной убедительностью. – Давай попробуем от них абстрагироваться и припомнить другие вещи. Например, не заметила ли ты перемен в настроении или поведении твоего папы?

– Да, я об этом тоже думала, – призналась Настя, – может быть, мне показалось, ведь я его вижу по несколько минут в день, можно сказать. Он вроде бы какой-то грустный стал. С виду был таким же, говорил, как обычно, свои привычные словечки, но голос был, как бы это сказать, угасший какой-то.

– Когда ты начала это замечать?

Настя старательно вспоминала.

– Наверное, осенью, месяца два назад. Я уже поступила, папа очень радовался тогда, гордился, что я все сама сделала, у меня ведь никогда даже репетиторов не было, – не без самодовольства проговорила девушка. – Он мне на поступление подарил деньги и сказал, что после первой сессии мы с ним обязательно куда-нибудь съездим. Хотя бы в Париж на выходные, он, мол, обязательно выкроит время. А потом как-то я спросила, как с поездкой, все ли в силе. А он так помрачнел резко, сказал, что очень постарается, но пока просит не обсуждать эту тему. Это не похоже на него, он всегда свои обещания выполнял, но я сделала, как он просил. Решила подождать, пока сдам сессию.

Теперь Настя уже не старалась скрыть своего горя, сил на это у нее не оставалось. Она закрыла лицо руками и заревела в голос.

Я молча поглаживала ее по спине, давая возможность излить свою боль. Потерять самого дорогого человека в семнадцать лет – это очень суровое испытание. Да и история с парнем по имени Виталий тоже добавляла девочке страданий.

Дождавшись, когда она успокоится, я пообещала, что немедленно займусь ее делом, вызвала ей такси и проводила до машины.

Проводив Настю, я села за ноутбук. Нужно было детально ознакомиться со всеми подробностями убийства и как можно больше узнать о личности Андрея Павлова.

Официальная информация о происшедшем была скупой и довольно неопределенной. В целом она повторяла сказанное Настей.

Подозреваемым числился Виталий Суриков, предполагаемый любовник супруги покойного. Все сводилось к банальной бытовухе. Это совсем не вязалось с образом солидного предпринимателя, поднявшегося в лихие девяностые на продаже подержанных автомобилей.

Я внимательно изучала его фотографии. Он произвел на меня хорошее впечатление. Выражение лица живое, без печати величия и высокомерия, которая обычно отличает пресловутых «новых русских». Взгляд глубокий, вдумчивый, напомнил взгляд его дочери. Возраст – 53 года, но сохранился хорошо. Видно было, что не тратил здоровье на пьянки-гулянки.

Среди имущества значилось пять крупных автосалонов, СПА-отель и два ресторана. Из недвижимости – роскошная двухъярусная квартира в «тихом центре» Тарасова и загородный коттедж, километрах в семи от города в престижной лесной зоне. И никаких квартир за рубежом. Довольно скромно для предпринимателя таких масштабов.

В середине декабря, то есть через месяц после убийства, должны были состояться выборы в депутаты Законодательного собрания Тарасова.

Павлов баллотировался впервые. Видимо, решил пойти по стопам других «новых русских» – заняться политикой. Совпадение или нет?

И еще обратил внимание на себя факт, что убийство состоялось в день юбилея его главного детища – фирмы «Авторай».

В совпадения я не верю, особенно когда их так много.

Страничка Павлова в «Фейсбуке» мало что дала.

Вел ее Андрей Анатольевич явно без души, для дела – ведь сейчас без странички ты вроде бы не полноценный член общества.

Фотографий немного. Все официозные. Из последних – фото Насти в форме выпускницы школы с комментарием *«Дочь выходит во взрослую жизнь»*. Была парочка изображений жены, на совместных торжествах.

Впечатленная рассказами Насти, я ожидала увидеть роковую красавицу. Но женщина никак не подходила на эту роль. Вполне себе обычная, стандартно привлекательная и стандартно же ухоженная. Одета тоже очень нейтрально, без изюминки.

Я знаю такой тип людей – они усердно стараются вытесать на своих лицах маску непроницаемости, за которой невозможно разглядеть, что у них на душе и в мыслях. Этого добиться ох как непросто – нужна серьезная мотивация.

Зачем-то Марина Викторовна Павлова, сорока одного года от роду, так над собой поработала.

Ее странички в соцсетях тоже не порадовали информативностью, что в общем-то меня не удивило. Не будет такая персона демонстрировать свою жизнь окружающим.

Прощаясь с Настей, я выяснила, какой следователь занимается делом Павлова. Она дала мне номер его мобильного.

Самым правильным было начать расследование со встречи с ним. Наверняка он накопил гораздо больше, чем выдавали официальные сводки.

Я с ним ни разу не сталкивалась и потому решила обратиться за помощью к Кире – своему закадычному приятелю, несчетное количество раз выручавшему меня в самых разных делах.

– Киря, привет! – провозгласила я в трубку.

– О, какие люди! Ты уже на Сейшелах?

– Вообще-то на Карибах, – поправила я его, – но нет. Я тут в наших пенатах и по делу звоню.

– Опять трудовголизм победил?

– Надеюсь, это временная победа, – засмеялась я, – одно дельце возникло. Вот звоню тебе, чтобы поскорее с ним разобраться и улететь туда, где весна бушует!

– Ну-ну... Свежо предание, – насмешливо сказал Киря, – что за дело, выкладывай.

– Ко мне обратилась дочка Андрея Павлова...

– Автокороля? – перебил меня Киря.

– Да, именно. Я согласилась ей помочь.

– Слушай, Танюш, дело-то деликатное, сама понимаешь. Такая фигура крупная – тут легко не будет.

– А когда это я искала легких путей?

– Это точно! Ты всегда умудряешься вляпаться в самое пекло... Только я не знаю, чем могу помочь.

– Мне всего-навсего нужно, чтобы ты мне устроил встречу со следователем Олегом Романовичем Волковым, неформальную такую, чтобы без напругов.

В трубке помолчали, помычали, потом вздохнули.

– О'кэй, это можно. Он следак прыткий, на хорошем счету. Поэтому, наверное, ему и поручили это дело. Только предупреждаю, легко с ним не будет.

– Тебе повторить про легкие пути? – усмехнулась я.

– Ты неисправима, Таня! Ладно, сделаю, только с одним условием.

– Это еще с каким?! – возмутилась я.

– Как только закончишь это дело, сразу дуешь на свои Карибы, даже если папа римский к тебе обратится, ты его пошлешь и полетишь на отдых!

Я расхохоталась.

– С каких это пор такая забота обо мне? Неужели так плохо выгляжу?

– Выглядишь ты, как всегда, умопомрачительно, я это даже по голосу чувствую! Но краснеть перед Вероникой не хочу больше. Она мне, между прочим, писала, чтобы я повлиял, если ты опять соскочить попытаешься.

– Все-все, поняла и осознала! – стала оправдываться я, кляня про себя тот день, когда познакомила Веронику с Кирей. – Папу римского даже на порог не пушу.

– Ловлю на слове! Жди звонка. – Кирьянов отключился.

У Кири слово с делом не расходится, и спустя два часа я уже сидела в кафе неподалеку от следственного отдела Новоселковского района, прихлебывала кофе, наблюдая перед собой Олега Волкова – старшего следователя по особо важным делам.

Не нужно быть физиогномистом, чтобы распознать в этом человеке довольно мутного типчика.

Он добросовестно улыбался, буравя при этом меня настороженным взглядом водянисто-голубых глаз.

Понимая, что разговор предстоит непростой, я коротко изложила ему причину нашей встречи.

– Я правильно понял, вам нужна полная информация о деле Павлова?

– Абсолютно правильно.

– А почему вы считаете, что в официальных сводках неполная информация?

– Потому что это так, – ответила я, смягчая свои слова улыбкой.

Но Волкова мое обаяние не проняло. Типичный карьерист, он все мерил лишь мерками полезности-вредности для своего служебного положения.

– Олег Романович, послушайте меня, пожалуйста, внимательно. Я взялась за это расследование, и это значит, что я доведу его до конца – с вашей помощью или без таковой. Уверена, что перед встречей вы навели обо мне справки и знаете о моей репутации. Если я взялась за дело, то уже не отступлюсь и докопаюсь до правды, несмотря ни на какие препоны. Вы ведь тоже заинтересованы в успешном расследовании, верно? Так вот, решайте, мы вместе с вами ведем это дело, и все лавры достаются вам, либо я веду его одна со всеми вытекающими последствиями.

Бесцветное лицо следователя слегка зарделось.

Разговор без обиняков для людей такого сорта настоящий шок. Они уютно себя чувствуют, когда думают, что имеют пространство для всяческих маневров. А тут его к стенке приперли...

– Звучит как ультиматум, – скривил губы Волков.

– Никакого ультиматума, Олег Романович, – я похлопала его по руке, дружески улыбаясь, – просто мне нужно как можно быстрее разобраться с этим делом. У меня, так сказать, горящий дедлайн. А вам разве не нужна лишняя галочка в послужном списке? Капитана дадут после такого дела, к гадалке не ходи.

Олег оказался более крепким орешком, чем я надеялась. Он припас свои тузы в рукаве и не собирался сдаваться, пока не выложит их.

– Так-то оно так, – протянул он, пряча свои мутные глазки в чашке в зеленом чаем, – но...

– Что «но»? – подняла я брови.

– К вам ведь Настя обратилась?

– Да.

– Но ей всего семнадцать лет. Она несовершеннолетняя. Вы на каких условиях с ней договор подписывали?

– Вот уж не думала, что такой перспективный следователь проявит столько формализма! На каких условиях я договариваюсь со своими клиентами – коммерческая тайна, охраняемая законодательством, – отрезала я. – Смотрите, Олег Романович, если мы сейчас с вами не приходим к консенсусу, я продолжаю расследование параллельно с вами. Это займет несколько больше времени, ведь вы уже провели собственное дознание. Но когда я разберусь и найду убийцу, ваш непосредственный руководитель, Виктор Иванович, мой давний знакомый, обязательно будет введен в курс дела. Ему станет известно, что я работала вопреки официальному следствию, а не благодаря ему. Виктор Иванович вряд ли будет доволен, что его сотрудники не так расторопны, как вольный частный детектив, не имеющий властных полномочий.

Я бессовестно блефовала. С полковником Виктором Черемшановым у меня ничего общего не было, но Волкову совсем не обязательно было об этом знать.

– В общем, Олег Романович, давайте дружить. Это пойдет на пользу всем, – доверительно улыбалась я.

Бедняга маялся между амбициями и осторожностью. К тому же ему было не по себе от роли объекта психологического давления, которую я ему навязала. Привык сам «колоть» и «нагибать», а тут его обрабатывают. Я даже нечто вроде сочувствия к нему испытывала.

– Может, покурим? – предложила я, вынимая из сумки пачку сигарет.

– Аа... откуда... вы думаете...

– Олег, да от вас табачищем разит за три метра! У меня нюх, как у кошки.

Опять вранье беспринципное – мне Киря говорил, что Волков курит.

– Да я бросаю вообще-то, – проямлил следователь.

– Ох, мы все бросаем, – засмеялась я, набросила куртку и пошла к выходу из кафе с пачкой сигарет в руке.

На крыльце кафе мы подымили и пришли к взаимопониманию. Не зря индейцы трубку мира придумали. Есть в этом что-то сакральное.

Вскоре я сидела в кабинете Волкова и знакомилась с весьма интересными фактами.

Выяснилось, что незадолго до смерти Андрей Павлов привел в порядок все свои дела. А именно составил завещание, закрыл все долги и позаботился о будущем всех близких ему людей.

Список наследников был довольно обширным. Львиная доля – автосалоны, СПА-отель, два ресторана – отходила жене покойного Марине. Дочери предназначалась всего лишь одна небольшая фирма – ателье по пошиву чехлов для автомобильных сидений.

В завещание была включена некая Лада Мещерская, которая, по информации следователя, работала нянечкой в семье Павловых много лет назад. Ей полагалась сумма в тридцать тысяч долларов плюс ежемесячная выплата из личного фонда Павлова, ведение которого возлагалось на главного бухгалтера фирмы.

Интересно, с чего бы такая щедрость к бывшей домработнице? Хотя нет, нянечке.

Чутье подсказывало мне, что за этим кроется что-то личное. Однако анализ своих ощущений я решила отложить, а пока продолжала изучать завещание.

Приличная сумма отходила некоему Константину Калачеву – водителю Андрея Анатолевича, служившему ему почти десять лет. Не забыл Павлов упомянуть в завещании главного бухгалтера фирмы «Авторай» Алину Аркадьевну Левицкую. Ей, как и водителю, Павлов завещал по двадцать тысяч долларов. Упомянуты в завещании были еще несколько сотрудников фирмы, им отходило по три тысячи.

Павлов составил завещание за полтора месяца до своей смерти.

Я не преминула обратить внимание следователя на этот факт.

– Как-то странно, человек составляет завещание и почти сразу уходит в мир иной, вам это не кажется подозрительным, Олег Романович?

Следователь лишь пожал плечами.

– Всякое бывает.

Ну конечно, зачем заморачиваться, когда проще пойти по пути наименьшего сопротивления и назначить убийцей первого, кто мало-мальски подходит на эту роль.

– Судя по условиям завещания, – проговорила я, отодвигая бумаги, – самый серьезный мотив был у жены Павлова, остальным предназначались слишком несущественные суммы.

– Ну, не скажите, Татьяна! Двадцать тысяч долларов для многих – целое состояние.

Волков даже не сообразил, что своим возражением оказал самому себе медвежью услугу.

– Вот и я о том же – видите, сколько людей заинтересовано в его смерти? А тот, кого следствие подозревает в убийстве, никаким боком не заинтересован.

– Но тут другое дело совсем, – залопотал Волков, – это же любовник! Застуканный любовник!

– Как-то все тут подозрительно, Олег Романович, согласитесь. Жена, у которой прямой мотив избавиться от мужа, так неосторожно попадаете мужу с любовником, а сама остается вне подозрений. А любовник, которому ничего не светит, кроме пожизненного заключения, хватает ружье и убивает застукавшего супруга, хотя ему, при его физических возможностях, ничего не стоит оглушить мужа, так сказать, канделябром и спокойно смыться.

– Тут все не так просто, Татьяна! – замотал сивой головой Волков. – А как же возмездие? Павлов не оставил бы в покое любовника жены. У него до сих пор связи в криминальных структурах. Виталий неминуемо поплатился бы за то, что покусился на честь автокороля.

– Резонно, – проронила я одобрительно, – но все-таки, почему жена осталась вне подозрений?

Волков был явно готов к такому вопросу, ответил без запинки, убежденно:

– Жена Павлова – благоразумная женщина. За двадцать лет брака она нашла бы способ избавиться от мужа без такого дурнопахнущего криминала. А самое главное – она была в курсе завещания. Ей ничего не стоило просто подать на развод – сеть автосалонов и другое имущество были записаны на нее. Скажите, зачем ей пачкать руки, если она и так была официальной владелицей «Авторая»?

Этот аргумент и мне казался веским.

– Ладно, с женой мы еще разберемся, – сказала я. – Давайте рассмотрим других возможных подозреваемых.

Волков непонимающе воззрился на меня.

– Конкуренты, – пояснила я, – по бизнесу и по политической стезе.

– Татьяна, – с легким раздражением ответил Волков, – зачем искать то, чего нет. Андрей Анатольевич уже почти тридцать лет в бизнесе. Если у него и были какие-то конкуренты, то все это дела давно минувших дней. Вы же в курсе, что он поднимался в девяностые, чистка там была такая, что мама не горюй. Осталось только две фигуры такого масштаба, Павлов и Кирилл Сергеевич Анненков – владелец сети автосалонов «Автомир». Но они уже давным-давно рынок поделили. Более того, Павлов и Анненков были старинными друзьями и давними партнерами по бизнесу. Андрей Анатольевич помимо продажи автомобилей занимался еще гостиничным и ресторанным бизнесом. А Кирилл Сергеевич развивал дело в сторону автосервиса: чуть ли не половина СТО и автомоек Тарасова принадлежит ему. Конкуренции между ними никакой нет. Наоборот, у ряда автосалонов Павлова заключены договоры с фирмами Анненкова на перевозку и обслуживание машин.

– Вижу, что вы детально изучили состояние дел обоих предпринимателей и их деловые отношения, – одобрила я.

– Разумеется! – Волков самодовольно хмыкнул. – Я для этого здесь и сижу. Так что никакого резона устранять Павлова у Анненкова не было.

– А как насчет политической деятельности? Они оба баллотировались в депутаты Законодательного собрания. И оба делали это впервые. Тут прямая конкуренция просматривается. Обоих сразу вряд ли бы выбрали.

– Да, но Анненков еще за двенадцать дней до смерти Павлова снял свою кандидатуру.

– А причины вам известны?

– Передумал, он имеет на это право. Нехватка времени или просто осознал, что это, как говорится, не его.

– Слишком все просто у вас, Олег Романович!

– А вы, напротив, все усложняете, Татьяна Александровна. Никакой политической или конкурентской подоплеки здесь нет. Уж поверьте, такой серьезный человек, как Кирилл Анненков, сумел бы более аккуратно избавиться от нежелательной персоны.

– Но и такой серьезный человек, как Андрей Павлов, не стал бы устраивать разборки с маханием огнестрельным оружием в собственном доме, – парировала я.

– Ну... состояние аффекта никто не отменял, – закатив глаза, произнес Волков.

– Вы разговаривали с Анненковым? – спросила я вместо ответа.

– Да, он сам мне звонил на следующий день после убийства. Сказал, что очень переживает, что готов оказать посильную помощь, и просил найти виновного как можно скорее. Они же два последних динозавра оставались, – не удержался от глупой шутки следователь, – а теперь он один-одинешенек.

– Да, и теперь весь авторынок можно к рукам прибрать, – добавила я.

Волков с досадой отмахнулся.

– Татьяна, сейчас не те времена. Эпоха монополистов прошла. Молодые прыткие предприниматели наступают, есть возможности работать по франшизам и так далее и тому подобное. Анненков не так глуп, чтобы пытаться вернуть то, что вернуть невозможно.

В этот момент следователю позвонили по внутреннему телефону.

Поговорив, Волков извиняющимся тоном попросил меня закончить беседу, так как его вызывают к руководству. Я особенно не огорчилась.

– Спасибо за уделенное время, Олег Романович. Надолго не прощаюсь. Всего доброго!

– Всего хорошего, Татьяна Александровна! Буду рад встрече, – нагло соврал он и закрыл за мной дверь.

Глава 2

Я села в машину и позвонила Насте.

Девушка моментально сняла трубку, словно только и ждала моего звонка.

– Да, Татьяна! Уже нашли что-нибудь? – взволнованно спросила она.

– Настя, прости, но я занимаюсь этим делом только три часа. Так быстро даже кошки не родятся. Но ты мне можешь помочь ускорить расследование.

– Что я должна сделать? – с готовностью спросила девушка.

– Вам уже объявляли завещание?

– Ммм... я не в курсе, мне никто ничего не говорил. Это мама должна знать.

– Маму оставим на потом. А скажи, Настя, у вас есть семейный адвокат?

– Есть. Папа не так давно приглашал его в гости к нам в коттедж. Они долго что-то в кабинете обсуждали. Я запомнила, потому что папа, когда представлял его нам с матерью, что-то такое упомянул, вроде «приводит в порядок мои дела».

– Отлично! Назовешь его имя и фамилию?

Настя на несколько секунд задумалась.

– Имя – Борис, это я точно запомнила... А фамилия... не помню, чтобы папа ее произносил, – расстроено закончила Настя.

– Ну что ж, это уже кое-что, – подбодрила я девушку.

У меня возник шанс обрадовать следователя Волкова.

Я вышла из машины, подошла к крыльцу РОВД и закурила.

Мой расчет отказался верным, меньше чем через минуту из фойе вышел Олег Романович собственной персоной. Видимо, пронаблюдав в окно, как я сажусь в машину, и пошел ни к какому ни начальству, а утолять никотиновый голод.

Я помахала ему, расплывшись в лучезарной улыбке.

Волков обреченно прошептал в мою сторону.

– Как хорошо, что я вас застала, Олег Романович! – Я положила руку ему на локоть. – Мне от вас еще одна услуга нужна. Небольшая.

– Да я вроде... уже, чем мог...

– Да-да, но вот еще какое дело. Мне нужно переговорить с Борисом – адвокатом Андрея Анатольевича. Завещание уже огласили наверняка?

Следователь растерянно пожевал губами, потом проямлил:

– Это конфиденциальная информация, я не могу...

– Прекрасно можете, Олег Романович. – Я приблизила к нему лицо, так что со стороны можно было подумать, что мы собираемся поцеловаться.

Бедняга слегка отклонился, но не мог же он отбиваться от меня в присутствии дымящих на крыльце коллег, которые уже и так с интересом поглядывали в нашу сторону.

– Олег, я все равно добуду его контакты, вы же понимаете! Просто с вашей помощью будет быстрее. А вы же согласились мне помогать, правда?

Через минуту я уже трогала с места свою машину, направляясь в адвокатско-нотариальный офис, расположенный за несколько кварталов от здания РОВД. Попутно я созванивалась с поверенным Андреем Павлова, чтобы договориться о встрече.

Борис Львович Белорецкий оказался импозантным мужчиной лет пятидесяти пяти. Мне повезло – наступало время обеда, и мы вместе отправились на бизнес-ланч в соседнее кафе. Повезло еще и в том, что у нас с ним нашлось несколько общих хороших знакомых, и моя репутация была адвокату неплохо известна. Поэтому на контакт он пошел легко, чего никак нельзя было сказать о следователе Волкове. Там даже авторитет начальства с трудом помогал.

Уж очень осторожничал Олег Романович, боялся, видимо, теплое местечко потерять. В госорганах оно так – нужно ухо остро держать.

Борис Львович поведал мне много интересного:

– Я с Андреем давно знаком, это был очень хороший человек. Совершенно не вписывался в образ «нового русского» из девяностых. Воспитанный, уравновешенный, можно сказать, интеллигентный.

Говоря это, Белорецкий внимательно посмотрел на меня поверх очков.

Взгляд был пристальный и абсолютно бесстрастный.

Признаться, под этим взглядом я почувствовала себя несколько неуютно, словно под снайперским прицелом. Хотя вполне возможно, что сам адвокат и не подозревал о подобном эффекте собственной манеры смотреть на своего собеседника. Этот взгляд выработался у Белорецкого за долгие годы профессиональной деятельности, адвокат привык моментально распознавать, с кем, собственно, имеет дело.

– Насколько я понял, текст завещания Андрея Анатольевича тайной для вас уже не является, – Борис Львович произнес это таким тоном, что я не стала бы возражать, даже если бы дело обстояло иначе.

Я кивнула.

– И это одна из причин, по которой я хотела с вами встретиться, – подтвердила я.

– Значит, есть и другие, – вздохнул адвокат. – И что же вас здесь настораживает?

– Есть некоторые моменты, – начала я. – Например, жена Павлова, Марина Викторовна. Насколько я поняла, супруги давно не испытывали друг к другу теплых чувств. И тем не менее именно своей жене Андрей Анатольевич решил завещать львиную долю имущества. А Насте, своей дочери, которую он боготворит, Павлов оставляет всего лишь скромную фирму по пошиву автомобильных чехлов. Вам не кажется это подозрительным? Да еще когда другие лица, упомянутые в завещании, получают куда более щедрое вознаграждение. Например, некая Лада Мещерская.

Адвокат молча смотрел на меня, и по выражению его лица было невозможно догадаться, о чем он думает.

– Борис Львович, – решила я продолжить, – все обстоит действительно так? Никакой ошибки быть не может?

Едва я это произнесла, как глаза адвоката слегка сощурились, словно в них появился затаенный смех.

– Вот вы о чем... Ну что ж, я вас понял. – Теперь он смотрел на меня откровенно насмешливым взглядом. – То есть вы полагаете, что текст завещания мог быть каким-то таинственным образом изменен уже после того, как я официально подписал бумаги в присутствии завещателя.

Не буду отрицать, я и вправду подозревала нечто подобное.

Борис Львович покачал головой.

– Смею вас заверить, все обстоит именно так, как вы и сказали. Марина Викторовна, супруга, а ныне вдова, получает автобизнес, гостиницы и СПА-отель. Настенька пока довольствуется скромной мастерской. Ну и все остальные, начиная от бывшей няни до водителя, получают именно ту долю имущества покойного, которая закреплена за каждым из них согласно завещанию. Никакой ошибки здесь нет, можете быть спокойны.

– Но ведь Марина Викторовна, жена Андрея Павлова, не отличалась особой... – Я сделала паузу, пытаясь поделкатнее выразить свою мысль. – Ведь не может быть, чтобы сам Андрей Анатольевич ни о чем не догадывался.

– С Мариной все не так просто. – Нам принесли заказ, и, пока официант расставлял блюда, Борис Львович некоторое время задумчиво смотрел в окно. – Вы в чем-то правы, похождения супруги и в самом деле не были тайной для Андрея, – продолжил он, когда официант

отошел. – Но он действительно искренне ее любил и все ей прощал. И на многое закрывал глаза.

– Но как такое возможно?! – невольно вырвалось у меня.

– Возможно, – веско произнес адвокат. – Кроме того, Андрей Анатольевич постоянно испытывал гнетущее чувство вины. Он считал себя виноватым перед Мариной и не мог себе этого простить.

– Вы хотите сказать, что и сам Павлов был тот еще ходок? – удивилась я.

Далеко не все неверные мужья испытывают чувство вины перед женами из-за своих измен.

– Не совсем, хотя и это тоже. – Белорецкий задумчиво посмотрел на меня, затем произнес, словно на что-то решился: – Ну хорошо. Слушайте.

И он поведал мне трагическую повесть, из которой я узнала, при каких обстоятельствах произошло знакомство Павлова с будущей женой Мариной.

В те самые лихие девяностые Андрей, тогда еще молодой научный сотрудник, выпускник Тарасовского университета, начал зарабатывать перегоном подержанных автомобилей из Европы.

Автомобили были его страстью, казалось, он может сутки напролет проводить за рулем «Фольксвагена», «Шкоды» или «БМВ». И как оказалось, эта страсть приносила неплохой доход, чего не скажешь о научной деятельности.

Андрей довольно быстро смог осилить покупку однушки на вторичном рынке. Первое жилье, приобретенное на собственные деньги.

Покупка квартиры решила жилищные проблемы – он уже был женат на своей бывшей однокурснице, и молодая семья ютилась в малосемейном общежитии, успев вкусить все прелести нелегкого быта.

В одиночку колесить через границу было небезопасно, и автомобили они перегоняли в паре – вместе с ним работал его давнишний приятель и однокурсник Кирилл Анненков, ставший впоследствии основным партнером по бизнесу.

Однако вскоре парням недвусмысленно дали понять, что автобизнес в постперестроечной России отнюдь не для одиночек.

После очередного перегона «Вольво» ребята едва остались живы. Машину, естественно, «отжали» бандиты, а начинающие предприниматели еще долго приходили в себя после пережитого нападения.

Именно тогда Андрей и Кирилл приняли решение примкнуть к группировке Виктора Ковтунова, отца Марины, тогда еще школьницы.

Виктор Семенович одним из первых занял в Тарасове эту экономическую нишу и был готов обеспечить ребятам защиту и свое покровительство.

Надо сказать, условия оказались вполне приемлемыми, Виктор Ковтунов не драл с ребят три шкуры за свои услуги, напротив, всегда рад был оказать необходимую помощь или поделиться опытом, если возникали какие-то сложности.

Виктор Семенович был старше ребят почти на двадцать лет, и постепенно они стали воспринимать его как названного отца. Андрей набирался опыта, сколачивал собственный капитал и постепенно создал собственную небольшую фирму, вновь уйдя в самостоятельный бизнес, но теперь уже на другом уровне. У Павлова появился свой небольшой штат сотрудников, и у него уже не было необходимости самому гонять через границу. С женой он к тому времени уже развелся, детей в первом браке у Павлова не было. Хотя он и откололся от Виктора Семеновича, но дружески общаться, а заодно и помогать друг другу бывшие партнеры не перестали.

Так прошло несколько лет. Однако хоть автобизнес и начал принимать более цивилизованные формы, дикие нравы из него полностью не исчезли.

Случилось так, что Виктор Ковтунов допустил роковой просчет, заняв под развитие своего бизнеса денег «не у тех людей». Грянул кризис, Виктор Семенович не смог получить ожидаемой выручки от продаж, чтобы рассчитаться с долгами, и бандиты начали на него охоту. И вот однажды во время очередных переговоров о возможной отсрочке долга прогремел роковой выстрел...

Виктор Ковтунов был убит, бандиты обманули предпринимателя, подстроив ему ловушку вместо переговоров, на которых якобы собирались пойти на уступки.

Их целью было, конечно же, прибрать к рукам бизнес Ковтунова, но у Виктора осталась дочь Марина, единственная наследница, которой к тому времени было уже двадцать лет.

Девушка понимала, что ей грозит опасность, скорее всего – неминуемая смерть, и она в ужасе примчалась к Андрею Павлову. Хотя в последний раз Марина видела Павлова еще будучи школьницей, она знала о нем по рассказам отца. Виктор Ковтунов неизменно отзывался об Андрее Анатольевиче как об успешном предпринимателе и в высшей степени порядочном человеке. Порой он намекал дочери, чтобы в случае несчастья она непременно связалась с Павловым, он поможет. И вот несчастье случилось...

Марина поступила в точном соответствии с рекомендациями отца и обратилась к Павлову. И тот действительно помог, предоставив девушке убежище в своем загородном доме и защиту. А там и вопрос с бандитами был окончательно решен. Кто-то из них разделил участь их жертв, остальные надолго попали за решетку.

Андрея поразила красота Марины, которую он помнил нескладной угловатой девчушкой. Это и была та самая любовь с первого взгляда, но лишь со стороны самого Андрея Анатольевича. Марина, хотя и приняла предложение о замужестве, взаимностью на чувство Андрея не ответила. Павлов прекрасно об этом знал, но все же не смог отказаться от Марины. Сама же молодая жена ни капельки не любила своего мужа, порой Андрею казалось, что она его даже побаивается. Павлов даже предположил, что Марина считает его самого одним из виновников гибели ее отца. Это, разумеется, никоим образом не соответствовало действительности. Однако вслух Марина подобных предположений не высказывала...

– Так Павлов именно из-за этих невысказанных предположений считал себя виноватым перед женой? – прервала я рассказ Белорецкого. – А вовсе не из-за его частых измен?

– А вы знакомы с неким Константином Калачевым? – огорошил меня вместо ответа Белорецкий.

– Нет, – удивленно ответила я. – Но, если не ошибаюсь, этот самый Константин Калачев упомянут в завещании?

– Не ошибаетесь. – Адвокат быстро взглянул на меня. – Калачев уже десять лет кряду является, вернее, теперь уже являлся, бессменным водителем и помощником Андрея Павлова. А знаете, что заставило Андрея, страстного автомобилиста, раз и навсегда отказаться от самостоятельных поездок за рулем?

Я покачала головой:

– Нет, мне об этом ничего не известно.

Адвокат снял очки и некоторое время внимательно их разглядывал, словно надеялся обнаружить в этом оптическом приборе какой-нибудь изъян и немедленно предъявить претензии фирме-изготовителю. Видимо, очки оказались в полном порядке, поскольку Белорецкий вновь водрузил их на переносицу и устремил на меня свой обычный пронизательный взгляд.

– Десять лет назад Андрей и Марина возвращались из гостей из соседней области. Они летели по трассе, и Павлов, видимо, переоценил свои водительские способности... М-да...

Борис Львович ненадолго замолчал, сдвинув брови.

– Они влетели в фуру. Андрей в последний момент успел снизить скорость и слегка изменить траекторию, что и спасло им обоим жизнь. Андрей отделался несколькими переломами и легким сотрясением, Марине повезло гораздо меньше. Она была беременна, и ребенка спа-

сти не удалось. Несколько дней Марина находилась в коме, а когда пришла в себя, узнала, что никогда больше не сможет иметь детей.

За столиком воцарилось молчание.

Я припоминала подробности, которые Настя Павлова сообщила мне о своей матери. Благодаря рассказу моей юной клиентки у меня сложилось впечатление, что Марина Павлова не из тех женщин, которые способны всю жизнь страдать из-за того, что не смогут испытать счастья материнства. Павлова вообще не производила впечатления страдальцы, хотя я и не была с ней лично знакома. Скорее уж наоборот. А вот то, что Андрей Павлов был способен создать вокруг своей жены ореол мученицы, я вполне допускала.

– С тех пор Андрей винил себя в том, что Марина сильно пострадала и потеряла их будущего ребенка, – произнес Борис Львович, подтвердив тем самым мое предположение. – На него самого эта авария также очень сильно повлияла, и он принял решение больше никогда не садиться за руль. Главным образом все же из-за того, что боялся подвергать опасности жену и дочь. Он часто говорил, как ему повезло, что в тот раз они не взяли с собой Настю.

Вот оно что. Этим объяснялась и щедрость по отношению к упомянутому водителю, Константину Калачеву.

– А кто такая Лада Мещерская? – поинтересовалась я.

Имя мне ни о чем не говорило, удивлял лишь сам факт, что женщине, помимо единовременной крупной суммы, полагалось еще и ежемесячное содержание.

Услышав мой вопрос, адвокат чуть заметно поморщился.

– А, вы о Ладочке, как ее называла в свое время Марина Викторовна...

Адвокат помолчал.

– До аварии она была няней Насти. В дом Павловых она попала совсем еще юной, когда Настеньке было три года. Несмотря на молодость, со своими обязанностями Лада справлялась превосходно, да и Настенька к ней очень привязалась. Куда больше, чем к собственной матери.

Историю о неприязни Насти к своей родительнице я уже слышала, что называется, из первых уст.

– А после аварии Лада уволилась? – уточнила я.

– Можно и так сказать, – отозвался Белорецкий, и его усмешка мне очень не понравилась. – Она вообще уехала из Тарасова.

– Лада бросила Настеньку, в то время как семья больше всего нуждалась в ее услугах? – Меня разбирало нетерпение, но Борис Львович медлил с ответом.

– Вот тут вы ошибаетесь, – произнес он наконец. – Когда это случилось, Лада проявила себя с наилучшей стороны. Она заменила Настеньке и отца, и мать. Девочка ведь уже подросла и очень переживала, особенно из-за отца. Если бы не Лада, у Насти наверняка случился бы нервный срыв, и кто знает, к чему бы это привело. Настя была довольно неуравновешенным ребенком, и только Лада умудрялась находить с ней общий язык. Ну и еще отец. Но у того, как вы сами понимаете, вечно не хватало времени.

– Почему же она уволилась? К тому же с тех пор прошло десять лет, а Павлов вспомнил о ней только сейчас, когда составлял завещание.

Белорецкий не спешил с ответом. Он задумчиво помешивал ложечкой капучино, затем произнес, не глядя на меня:

– Некоторые люди заслуживают того, чтобы помнить о них всю жизнь. Видимо, даже спустя много лет после расставания Павлов стремился выразить свою признательность этой молодой женщине. Не вижу никаких препятствий, все законно.

Я поняла, что Белорецкий больше ни единым словом не прояснит ситуацию относительно Мещерской. Замкнутое выражение лица адвоката не оставляло в этом никаких сомнений.

– Борис Львович, – осторожно начала я, – вы уже огласили наследникам волю покойного? Ведь не все они проживают в Тарасове, их необходимо оповестить.

Я активно намекала на Мещерскую.

– Этим займется мой личный помощник, – коротко ответил Белорецкий.

Из его ответа я сделала вывод, что наследники пока остаются в неведении относительно причитающейся им доли. Тогда я решила не церемониться и задала вопрос напрямик:

– Мне необходимо лично повидаться с каждым из наследников. Вы не могли бы подсказать мне координаты Лады Мещерской?

Получив в ответ уже знакомый мне снайперский взгляд, я услышала нечто куда более обнадеживающее:

– В ближайшее время я отдам соответствующее распоряжение своему помощнику.

И больше не добавил ни единого слова. Наш дружеский ланч подошел к концу, и адвокат посмотрел на часы.

– Что ж, Татьяна Александровна, спасибо, что разделили со мной скромную трапезу. Обедать в обществе столь очаровательной девушки вдвойне приятно.

Теперь Белорецкий был сама галантность и просто лучился обаянием.

Мы попрощались на дружеской ноте, и я поспешила домой, чтобы в тишине собственной квартиры попытаться найти информацию об остальных упомянутых в завещании персонах.

Заодно я решила еще раз созвониться с Настей. Мне важно было знать, не объявилась ли госпожа Павлова, поскольку мне не терпелось побеседовать с этой весьма загадочной особой.

Настя уверяла, что ее мать вполне способна на такую подлость – подставить наивного парня и переложить на него ответственность за убийство ненавистного мужа.

Однако мотив мне представлялся довольно сомнительным. Выждать целых десять лет, чтобы отомстить за гибель своего нерожденного ребенка в аварии? Не проще ли было сразу расстаться? Да и не похоже, чтобы Марину Павлову так уж заботили вопросы пополнения семьи, хотя я, конечно, могу и ошибаться.

Оказавшись дома, я сварила себе кофе. Тот, что я принуждена была выпить во время ланча с Белорецким, никуда не годился. Во всяком случае, для такого продвинутого кофемана, как я.

Расположившись с большой кружкой кофе возле ноутбука, я принялась выискивать в интернете новые подробности шумевшего убийства известного тарасовского бизнесмена.

Ничего принципиально нового мне обнаружить не удалось. Виталий Суриков по-прежнему числился подозреваемым номер один.

Меня несколько встревожил тот факт, что шумиха вокруг этого убийства начала так быстро затихать. Хуже всего было то, что официальные источники не сомневались, что Виталий, любовник Марины Павловой, и есть настоящий убийца «автокороля». Молодой альфонс попытался убрать с дороги мужа богатой дамы, чтобы вскоре самому занять его место. Мог быть лишь один источник, активно подпитывающий эту версию, – официальное следствие. Значит, дела Виталия Сурикова очень плохи, и, если я хочу ему помочь, мне нельзя терять время.

– Настя, скажи мне, пожалуйста, твоя мама еще не объявлялась? – затараторила я, едва девушка ответила на мой звонок.

Я решила сразу перейти к сути дела, чтобы не дать моей клиентке возможность поинтересоваться, на какой стадии находится расследование. Подобные вопросы начинали меня всерьез нервировать, поскольку сама я определяла эту стадию как нулевую. Да, я вынуждена была сознаться самой себе, что пока что я топталась на месте.

– Представляете, Татьяна, – оживленно заговорила девушка, – она сама позвонила мне вчера поздно вечером. Сказала, что вернулась в наш коттедж на Шалфейной поляне.

Это название обширной загородной местности, опоясывающей областной центр с трех сторон. В пригороде Шалфейной поляны располагались недавно отстроенные коттеджные мас-

сивы, участки в живописных местах пользовались спросом у обеспеченных тарасовцев. Не стала исключением и семья Павловых.

– И что еще она тебе сообщила? – Я вся обратилась в слух. – О завещании упомянула?

– Да! – горячо подхватила Настя. – Она поэтому и звонила. Я аж обалдела, когда высветился ее номер. Раньше она не снисходила до общения со мной. А тут на тебе! И говорила вполне нормально, даже ласковая такая, вся из себя...

Девушка произнесла эту тираду с горечью, и я вполне ее понимала, даже немного сочувствовала. Но все же на первом месте у меня всегда была работа, поэтому я продолжила расспрашивать свою клиентку:

– Твоя мама знает, когда именно будет оглашено завещание?

– Сказала, что послезавтра в одиннадцать утра надо прийти в нотариальную контору, – сообщила девушка. – Там нас будет ждать адвокат, ну, тот самый, Борис. Мама сказала, что он предложил собраться у нас в коттедже по ее желанию или даже в городской квартире, но мама отказалась. Говорит, что не хочет видеть в своем доме все эти рожи.

Весьма оригинальное суждение о людях, с которыми госпожа Павлова так или иначе контактировала на протяжении многих лет... Ей чем-то не угодила Ладочка или, например, главный бухгалтер Левицкая? Мне же в отличие от Марины Викторовны очень хотелось увидеть «все эти рожи», и чем скорее, тем лучше.

Однако я тут же решила, что приезжать на оглашение завещания с моей стороны не очень разумно. Я решила придерживаться тактики, избранной в самом начале, и побеседовать с каждым из подозреваемых лично. С моей точки зрения, любой из них был именно подозреваемым. И начать я решила именно с Марины Павловой, загадочной и нетерпимой.

– Значит, твоя мама сейчас находится в коттедже на Шалфейной? – уточнила я у Насти.

– Да, она пробудет там до послезавтра, это точно, – заверила меня девушка.

Я решила не терять время и сегодня же побывать на Шалфейной, в крайнем случае, завтра. Но прежде чем звонить Марине Викторовне, я решила связаться с Ладой Мещерской.

Борис Львович оказался обязательным человеком – мне пришло сообщение с нынешними координатами Лады. Оказалось, она проживала в Самаре. К моей радости, помощник Белорецкого не забыл сообщить и номер мобильного Мещерской.

– Слушаю, – отозвался молодой женский голос.

Звучал он довольно странно – казалось, женщина старается говорить уверенно и деловито, однако при этом в ее голосе слышались испуганные нотки. Хотя, возможно, вполне естественно испытывать тревогу, увидев на дисплее незнакомый номер.

– Лада Ильинична? – уточнила я и, услышав утвердительный ответ, назвала себя и продолжила: – Я действую по поручению дочери Андрея Анатольевича...

Едва я успела это произнести, как в трубке послышался приглушенный всхлип.

– Извините, – теперь голос звучал грустно, сквозь слезы. – И что вы хотите?

– Я хотела бы встретиться с вами лично, чтобы уточнить некоторые подробности. – Я решила обойтись без надуманных предлогов. – Послезавтра будет оглашено завещание, в котором упомянуты и вы. Мы могли бы с вами встретиться по окончании процедуры?

– Я не собираюсь ехать в Тарасов, – заявила Мещерская. – Адвокат сообщил, что я могу вступить в права наследования по месту жительства.

К такому повороту я была не готова. Мещерская явно не горела желанием обсуждать со мной обстоятельства гибели Павлова.

Испуг и печаль в ее голосе уступили место откровенной враждебности.

Я решила не настаивать на встрече и свернуть разговор, но так, чтобы у Мещерской появились сомнения, не совершит ли она ошибку, отказавшись пообщаться со мной.

– Что ж, очень жаль, – бодро прощепетала я. – Возможно, вами заинтересуется официальное следствие. Насколько мне известно, уже появились сомнения в правильности официальной версии.

В трубке воцарилось молчание, затем тихий голос произнес:

– Мне нечего вам сообщить. До свидания.

Послышались гудки. Нечего сообщить...

Я была склонна думать, что Мещерская просто не хочет распространяться о том, что именно побудило Павлова столь щедро облагодетельствовать бывшую няню своей дочери. Однако я была уверена, что в недалеком будущем дама изменит свое решение. Пока же я сочла за лучшее оставить ее в покое.

Вновь вооружившись телефоном, я позвонила Марине Павловой.

Та ответила лишь после пятого или шестого гудка. Голос был ленивым и недовольным, так что я невольно подумала, что разбудила госпожу Павлову, хотя время уже перевалило далеко за полдень.

Я не стала оригинальничать и объяснила Марине Викторовне цель своего звонка в тех же выражениях, что и Мещерской.

В ответ послышался долгий вздох, переходящий в стон.

– Как же вы мне все надоели! – простила Павлова. – Сколько же это будет продолжаться. Меня в полиции уже вывернули наизнанку вдоль и поперек, чего вы еще хотите?!

Я поняла, что убедить госпожу Павлову встретиться со мной будет очень нелегко, если вообще возможно.

Я решила бросить пробный шар и заявила, что располагаю версией, которая в корне отличается от выводов официального следствия.

Примерно ту же тактику я испробовала в отношении Мещерской. Хотя особого успеха она не имела, у меня появилась безотчетная уверенность, что Марина Павлова окажется более сговорчивой. Ведь в момент убийства ее застали непосредственно на месте преступления, тогда как Мещерская в это время находилась за пределами области.

– Какая здесь может быть новая версия, о чем вы?! – Голос по-прежнему звучал недовольно, однако я отчетливо уловила настороженные нотки. Неужели я попала в цель? – Хорошо, – внезапно заявила Павлова. – Приезжайте сегодня, я весь день буду дома. Любопытно будет послушать.

«А действительно ли это любопытство? – подумала я, усмехнувшись. – А может быть, все же страх?»

Я решила не терять время и немедленно начала собираться. Не буду скрывать, мне захотелось произвести впечатление на надменную госпожу Павлову, попросту говоря, слегка сбить с нее спесь.

Насколько я понимала, люди такого сорта судят о других главным образом по уровню их достатка. А эту информацию, в свою очередь, они «считывают» благодаря одежде и аксессуарам.

Поэтому я не стала скупиться на количество дорогих брендовых вещей в моем сегодняшнем прикиде. Одежды и аксессуаров от ведущих производителей мира в моем гардеробе было предостаточно. Я решила действовать по всем направлениям, чтобы сразить Павлову своим великолепием.

Тщательно подбирая туалет, я учитывала, что он должен подчеркивать не только мой статус, но и неземную красоту. Пусть позеленеет от зависти.

Таким образом, я выбрала суперобтягивающие джинсы, в которых мои стройные ноги казались бесконечными. Эффект стройности дополняла укороченная кожаная курточка жемчужного оттенка, которую я приобрела во время прошлогодней поездки в Милан. Даже не хочется вспоминать, в какую сумму она мне обошлась. Так, теперь сумочка из штучной кол-

лекции, ну и, конечно же, часы. Они покажут не столько время, сколько шестизначную сумму. Немного косметики, чуточку духов. Все в высшей степени статусное. Вот так-то!

Придя в восторг от собственного отражения, я выпорхнула из квартиры и с независимым видом направилась к своему авто.

Мне предстояло преодолеть небольшое расстояние, коттеджный поселок располагался сразу же за чертой города к северо-западу от Тарасова. Так что я рассчитывала добраться до коттеджа Павловых минут за сорок.

Отсутствие пробок облегчило мою задачу, и в итоге я домчалась за полчаса.

Я показала охраннику у въезда в поселок свое удостоверение, и тот без лишних слов поднял шлагбаум. Значит, Марина Павлова ждала меня и даже предупредила охрану о моем приезде.

Я сочла, что это добрый знак – Павлова явно заинтересована в беседе со мной, а значит, окажется более сговорчивой.

Марина Павлова встретила меня в просторном холле на первом этаже. Она буквально впилась в меня своими большими зеленоватыми глазами, однако по ее непроницаемому виду нельзя было понять, какое я произвела на нее впечатление. Вполне возможно, что никакого. Людей ее круга вообще трудно удивить.

Сама же я была приятно удивлена тем, что Марина, что называется «вживую», выглядела куда лучше, чем на фотографиях в интернете.

Женщине можно было дать лет тридцать с небольшим. Идеальная стройная фигура модели, гладкая кожа, роскошные пышные волосы до плеч.

Настя оказалась права – они с матерью действительно были очень похожи. Разве что взгляд у Марины был цепкий, пристальный и при этом странно неживой, тогда как у Насти глаза мгновенно отражали любое ее переживание.

– Угощайтесь, – хозяйка равнодушно указала рукой на столик, уставленный всевозможными бутылками с напитками разной крепости.

Рядом громоздились чистые фужеры. Сама же хозяйка держала в руке чашку кофе, насколько позволяло судить мне мое обоняние, превосходного сорта. Возле узкого дивана был накрыт кофейный столик.

– Я за рулем, – отказалась я от любезно предложенной выпивки.

– Когда это кому-то мешало. – Губы Марины растянула ленивая усмешка. – Что ж, тогда кофе.

– От кофе не откажусь. – Я без дальнейших церемоний под села к столику и налила себе кофе, от аромата которого у меня буквально захватило дух.

Действительно великолепный кофе, даже такую искусственную кофеманку, как я, проняло.

Марина, бесстрастно наблюдавшая за мной, медленно приблизилась и села возле меня на диван. В ее плавной уверенной походке угадывалась некая механичность, должно быть, сказывались последствия той самой аварии.

– О каких новых обстоятельствах вы говорили? – начала она без всяких предисловий, ставя чашку на стол.

– У следствия возник вопрос по поводу временного промежутка, – спокойно заявила я, хотя ничего подобного мне следователь Волков не говорил. Этот вывод я сделала сама, ознакомившись с предварительными материалами следствия. – Насколько мне известно, полицию вызвали именно соседи, услышав выстрел в коттедже. Вы же на допросе утверждали, что никакого выстрела не слышали и что, войдя в гостиную, увидели Сурикова, склонившегося над телом вашего мужа. Я правильно излагаю ход событий?

– И что из этого? – Павлова равнодушно пожала плечами.

Мои выкладки не произвели на нее никакого впечатления.

– Это может означать лишь одно, – заявила я, глядя в ее неподвижные глаза, – ваш муж был убит еще до того, как вы с Виталием Суриковым оказались в коттедже. И вы лишь чудом разминулись с убийцей. Или он сумел незаметно проскользнуть мимо вас. К тому же полиция приехала слишком быстро, ведь ее вызвали сразу после того, как раздался выстрел.

– Все это не более чем ваши фантазии. – Павлова расслабленно откинулась на спинку дивана. – С какой стати следствию понадобится менять официальную версию, если моего бывшего любовника застукали буквально на месте преступления рядом с телом моего мужа? И с оружием, кстати. Я сама в это время находилась внизу и могла попросту не услышать звука выстрела. А Виталий, конечно же, будет отрицать, что он слышал выстрел, иначе ему пришлось бы признать, что это именно он убил моего мужа.

Она прервала свои пространные рассуждения и в упор посмотрела на меня.

Мне почудилось, что в ее равнодушном взгляде все же промелькнула искорка беспокойства.

– Надеюсь, меня вы не подозреваете в убийстве собственного мужа? – насмешливо поинтересовалась Марина.

– Как получилось, что вы вообще оказались вдвоем с любовником в вашем с мужем доме, да еще когда он сам находился у себя в гостиной? – спросила я, проигнорировав ее вопрос.

Павлова устало вздохнула.

– Да поймите вы, наконец, – заговорила она, всячески давая понять, что подозревает меня в запредельной тупости, – если бы у меня были малейшие подозрения, что муж находится дома, мне бы и в страшном сне не приснилось возвращаться из ресторана в коттедж. Я была уверена, что он находится в номере гостиницы наверху.

– Вы вместе были в ресторане? – уточнила я.

– Вместе... – иронично повторила Павлова. – Отмечали тридцатилетие фирмы, банкет был в самом разгаре, в ресторане гостиницы на первом этаже. Я видела, что машина Андрея припаркована возле ресторана, его шофер Костя был тут же, среди гостей, увивался вокруг какой-то девицы.

При упоминании о шофере Косте Павлова брезгливо поморщилась.

– самого Андрея нигде не было видно, хотя перед этим он мне сказал, что поднимется к себе в номер. Мол, надо кое с кем переговорить.

Павлова замолчала, теперь ее лицо приняло какое-то замкнутое злое выражение.

– А с кем именно он хотел поговорить, вы не спросили? – поинтересовалась я, поскольку молчание затянулось.

Павлова всем корпусом обернулась ко мне.

– Мне плевать, – отчеканила она. – Даже если бы он собирался завалиться в койку со всеми своими любовницами сразу, а заодно и с персоналом гостиницы, и с официантками ресторана.

– И вы решили вернуться в коттедж без мужа? – Я оставила без комментариев злобный выпад госпожи Павловой.

Та в ответ усмехнулась:

– Я позвонила Виталику, сказала, чтобы ждал меня неподалеку от ресторана. Я поехала на своей машине. У меня ведь нет заскоков после той аварии... Рядом есть маленький переулок, без видеокамер. Там я его и подобрала, и мы поехали прямо сюда. – Павлова покосилась на меня. – Мне просто нужно было с ним поговорить. Он последнее время начал брыкаться, все намекал на какие-то моральные нормы, жаловался, что ему стыдно обманывать хорошего человека... Это он про моего муженька.

Она вновь усмехнулась.

– Сам-то он мне уже давно надоел... Это я про Виталика. Слишком молодой, почти двадцать лет разницы. Как оказалось, это не всегда хорошо. Говорить с ним не о чем, сплошная скука.

– Вот как? – Я задала вопрос нейтральным тоном, однако Павлова, будучи неглупой женщиной, мгновенно уловила саркастическую нотку.

– Представьте себе, так бывает. Да, он красавчик, я не спору. Но... не моего круга.

– А что же произошло, когда вы с Виталием приехали в коттедж? – Я не стала развивать тему отношений зрелой дамы с молодым любовником.

– Мы вошли в холл, меня слегка замутило от выпитого, и я присела на диван.

– Вы в таком состоянии вели машину? – не удержалась я от вопроса.

Та презрительно покосилась на меня.

– И как вы терпите несовершенство этого мира, такая правильная... Нет, за рулем был Виталик, тоже тот еще моралист. Когда я села на диван, схватилась за голову, он попытался вокруг меня хлопотать, а я терпеть не могу всех этих сюсюканий. Я ему довольно резко сказала, чтобы он шел наверх в гостиную и ждал меня там.

Павлова прервала свой рассказ и отпила немного кофе.

– Там мы с ним обычно развлекались, – пояснила она с усмешкой. – В свою спальню я его не приводила, это место исключительно для сна.

– И он пошел наверх. – Мне пришлось направить повествование в нужное русло. – Что произошло дальше?

– А дальше все происходило одновременно, – монотонно заговорила Павлова. – Я услышала, как Виталий наверху что-то закричал. Едва я успела рассердиться, что он так громко орет – у меня и без него голова раскалывалась, – как в дверь вломилась полиция. Я, оказываясь, ее и не закрыла. И тут целый отряд, какие-то люди... Один подошел ко мне, начал задавать вопросы, но я ничего не могла понять. Вверх по лестнице побежали автоматчики. Зачем их столько, не понимаю. Через несколько секунд выволокли Виталика. Это было ужасно. Он кричал, что ни в чем не виноват, но на него надели наручники и вывели на улицу. Оказалось, его увезли. Меня продолжали о чем-то спрашивать, но я сидела в каком-то ступоре. Потом вместе с ними я поднялась наверх... Увиденное повергло меня в шок, без всяких преувеличений. Конечно, я подтвердила, что это сделал Виталий, а кто же еще?

– Но почему вы так решили? – Мне было важно, что именно ответит Павлова на этот прямой вопрос.

– А что вас удивляет? Оказался наверху, нос к носу с человеком, с женой которого крутит роман. Я думаю, Андрей нас выследил и опередил, чтобы взять с поличным. Может, он сам хотел застрелить Виталия, но тот перехватил ружье и убил Андрея. Я допускаю, что Виталий своим поступком спас мне жизнь. Если бы Андрей убил Виталия, то после него убил бы и меня. С него станется...

– Вы уверены, что все произошло именно так? – уточнила я.

Павлова кивнула:

– Это единственное объяснение, которое мне приходит в голову. Я, конечно, в чем-то даже благодарна Виталию. Возможно, если бы не он, я бы сейчас тут перед вами не сидела. Но что я могу сделать? Как-никак, а ведь он все-таки убийца.

Павлова почти слово в слово пересказала версию, которой придерживалось официальное следствие.

Мои худшие опасения подтвердились – положение Виталия Сурикова на данный момент почти безнадежно. Мне оставалось уточнить еще некоторые детали:

– Скажите, а почему ваш муж оказался столь щедрым к некой Мещерской? Кажется, она работала у вас няней?

– К Ладочке? – Улыбка Павловой получилась презрительной и жалостливой одновременно. – Ну как же, это ведь наша бесценная помощница, куда же без нее. Да мы бы попросту пропали в те трудные для семьи времена.

Павлова закусила губу.

– Да попросту залетела она от моего любвеобильного муженька, вот и все! – проговорила Марина звенящим от злобы голосом. – Пока я валялась на больничной койке, они тут всю развлекались. Ну а когда меня выписали, он ее тут же отослал куда подальше. Купил ей квартиру в другом городе, каждый месяц переводил деньги. Я ведь все знала.

Я не верила своим ушам. Так вот оно что! Значит, у Андрея Павлова в Самаре растет ребенок от другой женщины. Вот чем объясняется его щедрость по отношению к Мещерской, а вовсе не ее былыми заслугами в качестве няни и бесценной помощницы.

– Я на нее зла не держу, вы не подумайте, – заявила Павлова. – И оспаривать условия завещания, конечно же, не буду. Как-никак, последняя воля покойного.

Павлова зло рассмеялась.

– У вас остались еще какие-то вопросы? – Это был прозрачный намек, что мне пора уходить.

– Только по поводу водителя Андрея Анатольевича. Калачев, если не ошибаюсь. Его ваш муж также упомянул в завещании. Вы не могли бы дать мне его координаты?

В глазах Павловой вновь что-то промелькнуло, но так стремительно, что я даже не успела уловить, что именно. То ли тревога, то ли отвращение. Эта женщина умела владеть собой.

– Незаменимый Костик, – произнесла она чуть ли не мечтательно. – Постоянно крутился возле Андрея, был для него не просто водителем, а, что называется, правой рукой. Муж любил о жизни с ним побеседовать, даже по некоторым вопросам бизнеса советовался, представляете?

Почему-то меня это не удивило, а вот снобизм госпожи Павловой мне был не совсем понятен. Как будто, если человек стоит несколько ниже на пресловутой социальной лестнице, он не способен дать разумный совет.

– Вероятно, для этого имелись свои причины? – осторожно поинтересовалась я.

– Да, вроде бы у Костика в прошлом была какая-то сложная история, – задумчиво проговорила Павлова. – Он ведь не всегда работал водителем. Андрей, по-моему, упоминал, что у Калачева был небольшой бизнес, но что-то там произошло...

Марина неопределенно пошевелила в воздухе пальцами.

– У него даже есть высшее образование, вот какой ценный кадр. Андрей просто не мог обходиться без разного рода блаженненьких. Уволилась Ладочка, ей на смену пришел этот самый Костик. У Андрея была какая-то нездоровая потребность опекать всяких там обиженных и обделенных. Он, и составляя завещание, остался верен себе.

Произнося эту небольшую речь, Павлова буквально сочилась презрением ко всяким там «обиженным и обделенным».

Теперь я по-настоящему сочувствовала Насте Павловой. Раста с такой матерью...

– Вот его телефон, записывайте, – Павлова вновь заговорила отстраненным деловитым тоном.

Я внесла в свой телефон контакты Константина Калачева и, не дожидаясь, когда меня начнут откровенно выпроваживать, направилась к выходу.

– Не советую вам строить какие-либо иллюзии, – произнесла вдруг Павлова, когда я оказалась уже возле самой двери. – Кроме Виталия, в этом убийстве никто не был заинтересован, вы лишь зря потратите время.

Я остановилась, ожидая, не добавит ли Марина Викторовна еще что-нибудь.

– Все, что я смогу для него сделать, – это не отрицать, что убийство, возможно, было совершено в целях самообороны. И не упоминать на суде, что мой любовник собирался убить Андрея, чтобы занять его место. Прощайте!

Павлова жестом дала мне понять, что аудиенция окончена, и, развернувшись, пошла прочь внутрь коттеджа с гордо поднятой головой.

Мне же показалось, что просторный холл пересекает искусно сделанная кукла, которую приводит в движение скрытый от посторонних глаз шарнирный механизм.

Глава 3

– Татьяна Александровна Иванова? – Мужской голос звучал сухо и официально.

Я бросила взгляд на часы – восемь утра. Кто может звонить в такую рань? Очередной клиент?

– Слушаю вас, – ответила я, рывком садясь на кровати.

Мой голос звучал бесстрастно, под стать потревожившему меня незнакомцу. Однако тот и не думал шифроваться.

– С вами говорит помощник кандидата в депутаты Законодательного собрания города Тарасова Анненкова Кирилла Сергеевича, – бойко отбарабанил мой собеседник. – Меня зовут Денис Петухов. Вы не могли бы уделить мне пару минут для разговора?

– Да, конечно. – Я старалась, чтобы мой голос звучал спокойно и равнодушно, хотя на самом деле я была вне себя от радости.

Надо же! А еще вчера вечером, намечая дальнейший план расследования, я ломала голову над тем, как бы поудачнее подкатить к этому самому Анненкову, чтобы не получить от ворот поворот.

– Кирилл Сергеевич хотел бы побеседовать с вами и приглашает вас в свой офис на Трудовой, дом четырнадцать. Вы не могли бы подъехать сегодня между одиннадцатью и двенадцатью часами дня? У Кирилла Сергеевича очень плотный график, на сколько вас записать?

Секретарь Анненкова всю часть, не давая мне возможности и слова вставить между двумя фразами. Он даже не соизволил дождаться моего ответа, действительно ли я горю желанием встретиться с его руководителем. Видимо, отказ от столь высокой чести не вписывался в картину мира Дениса Петухова.

– Записывайте на одиннадцать, – милостиво согласилась я, мысленно потешаясь над формулировками помощника кандидата.

А если бы я заявила, что меня надо записать на одиннадцать часов и пять с половиной минут, такая точность произвела бы на него впечатление? У меня ведь сейчас тоже не самый свободный график.

– Хорошо, – бодро заявил Петухов. – Ждем вас ровно в одиннадцать, офис двести четыре, второй этаж, – скороговоркой отрапортовал он напоследок и отключился.

Я призадумалась, чем был вызван интерес Анненкова к моей скромной персоне. В общем-то мне с самого начала было ясно, что кандидат в депутаты осведомлен о том, что я веду расследование убийства Павлова параллельно с официальным следствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.